

“АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ”, ИЛИ ВЕКОВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ЮРИСТОВ

© 2016 Натариус Светлана Олеговна
юрисконсульт

Самарская городская консультативно-диагностическая поликлиника № 14
443011, г. Самара, ул. Ново-Садовая, д. 311

© 2016 Чуракова Екатерина Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса

© 2016 Кокин Алексей Валерьевич
Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

E-mail: svetta1988@gmail.com, churakovaEN@gmail.com, sseu.process@gmail.com

Рассматриваются проблематика и актуальность вопроса “адвокатской монополии” как концептуальной основы государственной программы “Юстиция” по реформе законодательства, регулирующего сферу оказания юридических услуг.

Ключевые слова: “адвокатская монополия”, рынок юридических услуг, представительство в суде.

В развитие мысли, заложенной в названии настоящей статьи, следует ограничиться в историческом пространстве по времени началом признанной конкуренции между юристами и адвокатами, которую можно смело отсчитывать от 1990 г.

Так, в августе 1990 г. в Нью-Йорке VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступлений были приняты “Основные положения о роли адвокатов”¹, и только позднее, как бы вдогонку, были приняты с 27 августа по 7 сентября 1990 г. “Основные принципы, касающиеся роли юристов”². Сравнение данных двух документов показывает, что они практически идентичны. Это говорит о том, что международное сообщество несильно разделяет юристов и адвокатов между собой, ну разве что чисто процессуально в рамках уголовного судопроизводства, где функция защитника исторически олицетворена со статусом адвоката и лишь за редким исключением за иным лицом.

При всей схожести указанных двух документов считаем небезынтесным остановиться на моментах, которые отдельные представители юридической профессии могут и не воспринять как различия, но которые, по нашему мнению, в себе несут смысл многолетних споров и пререканий на тему так называемой адвокатской монополии в России.

Так, один из разделов вышеназванных “Основных принципов, касающихся роли юристов” назван “Функции и обязанности”, в то время как

аналогичный раздел “Основных положений о роли адвокатов” назван “Обязанности и ответственность”, обозначая важную проблему различия между адвокатами и юристами, выражающуюся в отсутствии надлежащей правовой регламентации ответственности последних перед своими клиентами. При этом п. 12 “Основных принципов, касающихся роли юристов” содержит следующее наполнение: “...юристы при всех обстоятельствах сохраняют честь и достоинство, присущие их профессии, как ответственные сотрудники в области отправления правосудия”, в то время как такой же пункт “Основных положений о роли адвокатов” демонстрирует большую глубину и важность именно адвоката, закрепляя, что “адвокаты должны постоянно поддерживать честь и достоинство своей профессии в качестве важных участников отправления правосудия”.

Итак, можно сделать вывод, что Конгрессами ООН юристы названы как “ответственные сотрудники в области отправления правосудия”, при этом не имея ответственности перед своим клиентом, в то время как адвокаты признаны “важными участниками отправления правосудия” с закрепленной ответственностью перед доверителями. С этим нельзя не согласиться, тем более, что действующее законодательство и обычаи делового оборота в России подчеркивают именно такой подход граждан, а также и правоприменителя, поскольку юрист в России - это не долж-

ность и не статус, а полученная профессия, т.е. специальность полученного образования, в то время как адвокат - это законодательно установленный правовой статус лица, имеющего высшее юридическое образование, подтвержденное соответствующим документом об образовании и рабочим стажем в юридической профессии, сдавшим квалификационный экзамен для получения данного статуса. Причем статус “адвокат” имеет смысл именно в сфере юриспруденции и правоприменения, при наличии которого адвокат, в силу своих полномочий, приобретает самостоятельный процессуальный статус защитника или представителя. Именно поэтому адвокат справедливо назван “участником отправления правосудия”. В связи с этим видится точным принятие Конгрессом ООН именно таких формулировок, что просто юрист является лишь сотрудником в области отправления правосудия. Они дают понять, что юрист может работать в качестве юрисконсульта в штате предприятия, секретаря суда, помощника судьи, сотрудника прокуратуры и правоохранительных органов, как бы подчеркивая его трудовую функцию по отношению к отправлению правосудия, но не участвовать в нем, пока не приобретет самостоятельного статуса (например, судьи, прокурора, адвоката). Конечно, вольнонаемный юрист в России может по гражданско-правовому договору с доверителем стать в суде и представителем такого участника процесса. Но вот станет ли он “важным участником отправления правосудия” как адвокат - это отдельный вопрос.

Также в п. 14 и 15 вышеназванных Основных принципов/положений заложены различия, которые подчеркивают, что юристы “защищая права своих клиентов и отстаивая интересы правосудия... всегда строго соблюдают интересы своих клиентов”, в то время как “адвокат, оказывая помощь своим клиентам при осуществлении правосудия... всегда должен быть лояльным к интересам своего клиента”, опять же подчеркивая, что только адвокат является “участником отправления правосудия”, в то время как юрист лишь должен “отстаивать интересы правосудия”. При этом как бы незаметно подчеркивается и право адвоката занимать позицию по делу вопреки воле доверителя, если адвокат убежден в наличии самоговора клиента (п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (редакция от 2 июня 2016 г.) “Об адвокатской дея-

тельности и адвокатуре в Российской Федерации”, далее - ФЗ “Об адвокатуре”³), а также право адвоката не исполнять поручение клиента в случае, если оно имеет заведомо незаконный характер (п. 1 ч. 4 ст. 6 ФЗ “Об адвокатуре”; п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката⁴), которые нигде не упоминаются в отношении юриста, обязанного только “строго соблюдать интересы своего доверителя”.

Так, в силу законодательства об адвокатуре адвокат является независимым советником по правовым вопросам, который оказывает юридическую помощь своему доверителю на основании письменного соглашения с клиентом, являющегося гражданско-правовой сделкой, а также наделен дополнительными возможностями по получению и предоставлению доказательств в интересах своего доверителя.

Независимость адвоката прежде всего обеспечивается гарантиями, принятыми законодателем в отношении адвокатов и членов их семей, включая защиту адвоката от преследования в связи с профессиональной деятельностью, запрет допроса адвоката и невозможность использования адвокатского досье против его доверителя, усложненный порядок привлечения адвоката к ответственности и проведения обыска. Нововведения в Закон об адвокатуре дают адвокату в интересах своего клиента использовать адвокатский запрос с целью максимальной эффективности такой защиты при участии адвоката, поскольку теперь за непредставление запрошенной адвокатом информации и сведений предусмотрена административная ответственность по ст. 5.39 КоАП РФ⁵. Многие из вышеназванного является и обеспечением адвокатской тайны, что в свою очередь служит предпосылкой доверия клиента к адвокату. При этом, применительно к п. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре не следует сбрасывать со счетов такие исключительные возможности адвоката по сравнению с полномочиями простого юриста, как опрос с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, а также сбор и представление предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Данные возможности нередко используются адвокатами, что приносит им ощутимый процессуальный⁶ и

конечный⁷ (включая предоставления их в Европейский суд по правам человека⁸) результат в области доказывания по сравнению с юристами, не имеющими статуса адвоката. Это объясняет и пониженный уровень доверия к юристу по сравнению с адвокатом.

Законодательством об адвокатуре в императивном порядке предусмотрено, что существенными условиями соглашения адвоката со своим доверителем являются ко всему прочему размер и характер ответственности адвоката, принявшего исполнение поручения.

Данных обязанностей и ответственности не возложено законодательством на обычного частнопрактикующего юриста, которого закон не обязывает заключать письменный договор с лицом, обратившимся к нему за юридической помощью, что нередко приводит к негативным последствиям для такого доверителя⁹. Как показывает практика, нередко клиенты, не заключившие письменного соглашения с юристом, и после уплаты аванса не могут его найти и выйти с ним на связь либо работа выполняется настолько плохо, что изыскать способы вернуть свои деньги или призвать к ответу такого “горе-юриста” (или даже юридическую фирму, не являющуюся адвокатским образованием) не представляется возможным и реальным¹⁰.

Именно потому, что раздел “Дисциплинарное производство” в “Основных положениях о роли адвокатов” нашел свое отражение в законодательстве об адвокатуре, он работает на практике, чего не скажешь об аналогичном разделе “Дисциплинарные меры” в “Основных принципах, касающихся роли юристов”, которые никак не закреплены национальным законодательством России ввиду отсутствия как “Кодекса профессионального поведения юристов”, так и соответствующих уполномоченных ассоциаций юристов со своими дисциплинарными комитетами. Данные нормы международного права в отношении частнопрактикующих юристов в России о дисциплинарной ответственности не работают.

Таким образом тех регулирований, которые обязывают в России адвокатов при получении статуса адвоката иметь профессиональные знания на необходимом квалификационном уровне с прохождением испытаний, постоянно повышать его за свой счет и совершенствовать свою деятельность в соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката, осознавать и гаранти-

ровать ответственность перед клиентом за свои действия или бездействие, любые отношения с доверителями приводить в официальное соответствие с требованиями законодательства о письменной форме сделки, надлежащем образом вести себя в процессе, в том числе под угрозой лишения статуса адвоката, нет в качестве обязательного для “вольнораемного” юриста или юридической компании, не являющейся адвокатским образованием.

Встает правомерный вопрос: различаются ли мотивы и моральные критерии при принятии от доверителя конкретных поручений у адвоката и у “вольнораемного” юриста и чем такие исполнители руководствуются и ограничиваются при выборе способов защиты интересов своего клиента? Всегда ли юристы и адвокаты сообщают о возможном неблагоприятном исходе дела своему доверителю сразу, на этапе приема поручения, или в погоне за “легкой наживой” умалчивают такой исход?

Полагаем, каждый без труда данную статистику в пользу порядочности адвокатов найдет в Интернете в актуальной редакции и цифрах, поскольку недобросовестные адвокаты сразу же привлекаются к дисциплинарной ответственности за такое, но одно то, что в силу п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения, говорит о том, что адвокат не имеет права вводить потенциального доверителя в заблуждение и не может “заманивать” такого рода обещаниями, даже если именно так дело и обстоит. Этого нельзя сказать о “вольнораемном” юристе, ложными объявлениями которых пестрят улицы городов с текстами: “Лишают прав - вернем!” или “Гарантированное взыскание любой задолженности, в том числе с истекшим сроком исковой давности” и т.п. Справедливости ради следует отметить, что не представители адвокатского сообщества являются авторами этих объявлений. Нередко в качестве рекламного трюка объявления умышленно вводят потребителя в заблуждение, когда обычный юрист или юридическая контора пытаются “объявить” себя “адвокатом” или “адвокатской конторой”, неумышленно подтверждая тем самым, что адвокату в настоящее время по различным причинам доверия у населения больше и к адвокату стоит идти

за защитой интересов, нежели к “юристу без статуса”. Таковы неписанные законы рынка.

Очевидно, устав наблюдать такое безобразие в рекламе, в отношениях с клиентами, а также происходящее в процессах конкретных судебных заседаний и дел, судебное сообщество в лице ученого совета и руководства Высшего Арбитражного Суда РФ в свое время сплотилось идеей зачистить ряды участвующих в процессах представителей и тем самым повысить профессиональный уровень и подготовку лиц, участвующих в арбитражном процессе.

Так, принятием Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ¹¹ в его первоначальной редакции был впервые введен “фильтр” в представительской среде в арбитражном процессе, который в тексте ч. 5 (а с 2004 г. и ч. 5.1, соответственно) ст. 59 АПК РФ закрепил, что “представителями организаций могут выступать в арбитражном суде по должности руководители организаций, действующие в пределах полномочий, предусмотренных федеральным законом, иным нормативным правовым актом, учредительными документами, или лица, состоящие в штате указанных организаций, либо адвокаты”. “Представителями органов государственной власти или органов местного самоуправления могут выступать в арбитражном суде лица, состоящие в штате указанных органов или в штате организаций, представляющих в соответствии с федеральными законами или иными нормативными правовыми актами Российской Федерации по поручению указанных органов их интересы, либо адвокаты”.

Стоит отметить, что такой фильтр, названный тогда “адвокатской монополией”, в то время преодолевался не повышением уровня представителей “вольных юристов” и вступлением их в адвокатуру, как было задумано, а фиктивным оформлением “в штат” предприятия (организации, участвующей в конкретном судебном процессе) и предоставлением суду копии доверенности и приказа о приеме на работу, чаще всего не соответствующего действительности.

Очевидно, не получив ожидаемой эффективности данного фильтра, ч. 5 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса РФ признали не соответствующей Конституции РФ Постановлением Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П в той мере, в какой она в системной связи с п. 4 ст. 2 Федерального закона “Об адвокат-

ской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” исключает для выбранных организациями лиц, оказывающих юридическую помощь, возможность выступать в арбитражном суде в качестве представителей, если они не относятся к числу адвокатов или лиц, состоящих в штате этих организаций. Реализуя данное конституционное установление, нормы ч. 5 и 5.1 ст. 59 АПК РФ признаны утратившими силу¹².

Отмена в 2005 г. неожиданно для многих введенного “фильтра вольнонаемных юристов” по допуску к судебному процессу совсем не означает, что законодатель и правоприменитель отошли от обоснованной идеи перевести рынок юридических услуг из судебного представительства на более высокий уровень по качеству и профессионализму, а также к необходимой ответственности во взаимоотношениях сторон. Данное заявление подтверждается тем, что не претерпела никакого изменения норма с аналогичным фильтром по допуску априори только адвокатов относительно уголовного процесса (ст. 45, ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ¹³), конституционного судопроизводства (ст. 53 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации”¹⁴), а также п. 1 ст. 55 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ¹⁵ введена вновь, закрепляя, что представителями в суде по административным делам могут быть адвокаты и иные лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование.

Данный вопрос с “адвокатской монополией” в последнее время не только не затихает, но и актуализируется, причем не со стороны адвокатского сообщества, а со стороны правоприменителя всех направлений и уровней.

Так, со времени допуска к арбитражному процессу огромной волны граждан и их представителей в качестве “участников долевого строительства”¹⁶ при банкротстве застройщиков в 2011 г. арбитражные суды захлебнулись в неграмотности и некомпетентности подаваемых заявлений, ходатайств, выступлений и поведений непрофессиональных участников процесса. Были случаи, когда уставшие от ожиданий своих заветных квартир обманутые дольщики давали доверенности

на представление их интересов в арбитражном суде при банкротстве застройщика тем лицам и руководителям таких обанкротившихся застройщиков, которые в это самое банкротство и завели строительство их многоквартирного дома. При этом привлекаемые по уголовным статьям за мошенничество¹⁷, отстраненные и уволенные горе-руководители не обладали юридическим образованием, не знали, что и когда нужно делать в интересах своих “клиентов”, такие “представители в деле о банкротстве застройщика”¹⁸ попросту стопорили весь процесс, подавая непредусмотренные законом документы, неверно оформляли требования участников строительства, не понимали, что требует от них суд (судья) в судебном заседании. Такое положение вещей вызывало бурю негодования со стороны судей в адрес таких “псевдопредставителей”.

В своей статье “Некоторые аспекты участия адвоката в арбитражном процессе”¹⁹ Н.А. Чудиновская отмечает, что “проблема адвокатской монополии на сегодняшний день находится в стадии обсуждения, однако значительное количество предприятий, несмотря на наличие в штате собственного юрисконсульта или даже целого юридического отдела, уже сегодня предпочитает поручать представление своих интересов именно лицам, обладающим статусом адвоката. Высшие судебные инстанции неоднократно справедливо отмечали, что право прибегать к услугам профессионального юридического представителя, в том числе адвоката, так же, как и право на возмещение соответствующих издержек за счет проигравшей стороны, не поставлены в зависимость от наличия у предприятия специалиста, компетентного представлять его интересы в суде”²⁰.

Данный акцент с вознаграждениями и их компенсациями следует отнести на сторону выгоды для корпоративного клиента (юридического лица или предпринимателя) в привлечении именно адвокатов, поскольку, как указывают сами адвокаты²¹, и с ними приходится согласиться:

- нет необходимости формировать рабочее место для юриста (юридической службы) организации. Работу осуществляет адвокат в своем специально оборудованном офисе. Клиент не несет дополнительных затрат на офисную канцелярию, информационное и нормативное обеспечение, поскольку это все входит в гонорар адвоката;

- адвокатом, по нашим наблюдениям, те же юридические функции выполняются более каче-

ственно, грамотно и порой быстрее, поскольку широта возникающих вопросов подчас оказывается не под силу штатному юристу, набившему руку, к примеру, отдельно на договорах или отдельно на составлении претензий;

- содержание “штатного” юриста при одинаковой сумме “получаемых на руки” выплат обойдется корпоративному клиенту на 30 % дороже, чем сотрудничество с адвокатом, в силу особенностей налогообложения адвокатской деятельности по сравнению с фондом оплаты труда и издержками по нему на предприятии²². При этом нет необходимости в социальных выплатах, затратах на отпуск и пр.

Все вышеизложенные обстоятельства только подогревают тему профессионального фильтра в судебных процессах, повышая градус обсуждения темы “адвокатской монополии”.

Как проинформировала “Российская газета” в своем интернет-издании от 13 января 2016 г., Министерство юстиции России провело общественное обсуждение проекта поправок в государственную программу “Юстиция”. “Одно из важных положений программы касается реформы системы юридических услуг. Документ предлагает ввести так называемую адвокатскую монополию, когда профессионально защищать граждан в судах смогут только адвокаты. На разработку закона о переходе к обязательному адвокатскому статусу для юристов, желающих практиковать в судах, предлагается отвести два года - до 31 декабря 2017 г. Напомним, что недавно Министерство юстиции внесло в правительство концепцию реформирования системы юридических услуг. Предполагается, что после утверждения концепции должна начаться работа над законопроектом. По словам исполнительного вице-президента Федеральной палаты адвокатов России Андрея Сучкова, эта часть программы в последнее время стала темой горячих дискуссий практикующих юристов. Проект концепции, которая внесена сейчас в правительство страны, разрабатывался Минюстом с привлечением адвокатского сообщества, корпоративных юристов, некоммерческих и общественных организаций, юристов частной практики”²³.

Согласно предлагаемой концепции юридическое образование для будущих адвокатов по-прежнему останется обязательным критерием. При этом соискатель должен иметь уровень образования не ниже специалиста. Бакалаврам надле-

жит окончить магистратуру по правовой специальности. То обстоятельство, что непонятным остается, обязательны ли такие требования только к соискателям или и к уже имеющим статус адвоката тоже, вносит большую нервозность в адвокатскую среду, так как большое количество адвокатов в настоящее время имеет высшее юридическое образования именно ступени “Бакалавр”. Появляется закономерный вопрос: так что же им всем теперь срочно доучиваться и так ли это оправданно для уже действующих не один год или десятков лет адвокатов?

Юристы государственных органов и юристы предприятий смогут осуществлять представительство в суде только в отношении доверителя-работодателя. Существующие юридические фирмы будут реорганизованы в адвокатские партнерства, состоящие из партнеров и ассоциированных членов, отношения между которыми будут выстраиваться на основе трудового договора. Концептуально предлагается разрешить заключать соглашения об оказании правовой помощи не только от имени адвоката, но и от адвокатского образования, чтобы максимально приблизить новые условия работы в правовом бизнесе к привычным для бывших юрисконсультов.

Драматизировать наплыв в ряды такой адвокатуры некомпетентных лиц ввиду упрощенного порядка получения статуса адвоката не стоит, поскольку входная аттестация при этом не упраздняется, а общее количество низкоквалифицированных юристов на улице в связи со сменой статуса с частнопрактикующего на адвоката не увеличится. Именно поэтому не стоит полагать, что в связи с предполагаемыми реформами стоимость юридических услуг существенно вырастет, так как по законам рынка рыночная цена услуги определяется спросом на предложение. А поскольку общее количество предложений не уменьшится, ведь общее количество практикующих юристов не изменится, постольку и стоимость таких услуг останется на прежнем уровне и будет нивелироваться теми же законами рынка в зависимости от качества услуг.

Более весомым аргументом в отношении роста цен на юридические услуги следует признать возможность начала реальной работы требований закона об адвокатуре в части страхования ответственности адвоката. Любой адвокат свои издержки по страхованию, конечно, переложит на потребителя через размер получаемого гонорара, что неизбежно. Но это не худшее из зол, ведь если все

же предположить объявление “адвокатской монополии”, то без страхования ответственности адвоката такие потрясения для клиентов будут означать повышение рисков по качеству получаемых услуг, что без страхования ответственности адвокатов, возможно, вызовет отток потенциальных потребителей юридических услуг, а это может вызвать, в свою очередь, стагнацию в данной отрасли.

Повышение стоимости услуг адвоката в связи с введением работающего механизма страхования профессиональной ответственности адвоката видится оправданным, так как институт страхования ответственности адвоката надлежит расценивать как гарантию права каждого на получение справедливого материального возмещения в случае причинения ущерба адвокатом.

Ожидается закрепление социальных гарантий для адвокатов по аналогии с гарантиями, провозглашенными трудовым законодательством, поскольку в настоящее время вопрос, касающийся социальных гарантий адвокатов, на законодательном уровне не урегулирован.

В среде профессиональных юристов описанные новеллы нередко воспринимаются скептически. По мнению юридической общественности, предлагаемая реформа может привести к нарушению конституционных прав на свободное распоряжение своими способностями к труду, на выбор рода деятельности и профессии, как то уже высказывал свою позицию по данному вопросу Конституционный Суд РФ²⁴. Перечисляются и нарушения прав потребителей, лишаящихся возможности пользоваться услугами давно представляющего их интересы юриста в случае, если он не получит статус адвоката, а также нарушение прав предпринимателей, имеющих юридический бизнес, которые рискуют в случае реформы потерять бизнес как таковой, а часть сотрудников этого бизнеса - потерять свои рабочие места.

В пику данной позиции хочется напомнить, что полезное действие прогрессивного развития общества всегда неминуемо выражается в сокращении трудоемких рабочих мест и в оптимизации производств, однако никто не осмеливается заявить, что нужно остановить прогресс и выполнять работу дедовскими методами. Почему же так не следует рассуждать и в данном аспекте про “адвокатскую монополию” или этот шаг не развитие по восходящей?

Вопреки всем спорам на рассматриваемую злободневную тему, следует признать необходи-

мым все же навести порядок в сфере юридических услуг вообще и в частности оживить норму страхования ответственности адвоката и повысить профессионализм представителей в судах, почему и радуется то, что в настоящее время ничто не предвещает отказа законодателя от идеи введения “адвокатской монополии” на территории Российской Федерации.

¹ Основные положения о роли адвокатов : [приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке] // Советская юстиция. 1991. № 20. С. 19.

² Основные принципы, касающиеся роли юристов : [приняты в г. Гаване 27 авг. 1990 г. - 7 сент. 1990 г. восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями] // Собр. междунар. документов “Права человека и судопроизводство”. OSCE, Poland.

³ Собрание законодательства РФ. 2002. 10 июня (№ 23). Ст. 2102.

⁴ Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. 7 янв. (№ 1 (ч. 1)). Ст. 1.

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 8 июля 2014 г. по делу № 33-17269. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

⁷ Постановление ФАС Поволжского округа от 3 июня 2014 г. по делу № А65-18120/2013. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

⁸ Дело “Низомхон Джураев (Nizomkhon Dzhurayev) против Российской Федерации (жалоба № 31890/11) : постановление ЕСПЧ от 3 окт. 2013 г. // Российская хроника Европейского Суда. Спец. выпуск. 2014. № 2. Имело место нарушение требований ст. 3, п. 4 ст. 5 Конвенции.

⁹ Дело юриста-мошенника Евгения Скобликова : В Москве арестован юрист-мошенник // Вести : интернет-газета. 2009. 31 окт. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=323545>.

¹⁰ Бесплатные юристы выманивают деньги у москвичей // Сайт телеканала “Москва24”. 2015. 3 июля. URL: <http://www.m24.ru/articles/78146>.

¹¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. 29 июля (№ 30). Ст. 3012.

¹² О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона “О внесении изменения в статью 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации” : федер. закон от 31 марта 2005 г. № 25-ФЗ // Российская газета. 2005. 5 апр. (№ 68).

¹³ Собрание законодательства РФ. 2001. 24 дек. (№ 52 (ч. 1)). Ст. 4921.

¹⁴ Собрание законодательства РФ. 1994. 25 июля (№ 13). Ст. 1447.

¹⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. 9 марта (№ 10). Ст. 1391.

¹⁶ О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в части установления особенностей банкротства застройщиков, привлекавших денежные средства участников строительства : федер. закон от 12 июля 2011 г. № 210-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. 18 июля (№ 29). Ст. 4301.

¹⁷ Гендиректор СК “Кросс” Татьяна Сафонова, обманувшая сотни дольщиков, получила условный срок // Сайт газеты “Волжская коммуна”. 2016 22 апр. URL: <http://www.vkonline.ru/news/archive/165994/gendirektor-sk-kross-tatyana-safonova-obmanuvshaya-sotni-dolshikov-poluchila-uslovnyj-srok>.

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 февр. 2016 г. № Ф06-1989/2012 по делу № А55-10763/2010 (банкротство застройщика ООО “Кросс”). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

¹⁹ Чудиновская Н.А. Некоторые аспекты участия адвоката в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 16-21.

²⁰ См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 8 авг. 2005 г. № А82-11632/2004-37. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 28 окт. 2003 г. № Ф04/5497-1609/А46-2003. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²¹ Корпоративным клиентам от адвоката // Сайт адвоката Натариуса Д.М. URL: http://www.advokat-natarius.ru/korporativnim_klientam.

²² Какие налоги есть с ФОТ в 2017 году // Сайт “Блог финансиста”. URL: <http://finansiko.ru/kakie-nalogi-est-s-fotv-2016-godu>.

²³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Юстиция” : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 312 // Собр. законодательства РФ. 2014. 5 мая (№ 18 (часть II)). Ст. 2158.

²⁴ По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П // Собр. законодательства РФ. 2004. 2 авг. (№ 31). Ст. 3282.

Поступила в редакцию 04.11.2016 г.